

— Есть два актерских полюса. На одном — Алексей Баталов, сыгравший, кажется, всего девять киноролей. Зато каждая стала событием... Но вы, судя по мельканию в фильмах и сериалах, тяготеете, скорее, ко второму полюсу. Что чувствует актер Караченцов, снимаясь у слабых режиссеров или работая с актерами, заведомо уступающими ему в мастерстве?

— Мне кажется, здесь не очень подходит слово «тяготеет». Я не тяготею к тому, чтобы мало или много сниматься. Это имеет отношение не к профессии, а к самому человеку, его воспитанию и культуре: как не растратить себя, как не быть всеядным.

Но если буду от всего отказываться и ждать «свою» роль, то через десять лет я ее уже не сыграю. Потому что потеряю квалификацию — профессия требует постоянного тренажа. Вопрос только в возможности разумного компромисса.

По окончании института, пять-шесть лет проработав в театре, я не знал, что такое кино, и соглашался на все. Хотел узнать, как привыкать к камере, как вести себя в кадре. Потом появилась возможность выбирать, и все зависело уже от меня.

Конечно, я снимаюсь из картины в картину, тем не менее все равно выбираю. Первый параметр — качество сценарного материала. Второй — кто режиссер и какая компания.

Не могу вспомнить, чтобы актеры рядом были совсем уж откровенно слабыми. Более того, я снимался с такими людьми, как Евгений Леонов и Татьяна Пельтцер, работавшими в нашем театре. Царствие им небесное. Я снимался с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским, Олегом Ивановичем Борисовым — это не просто замечательные партнеры, а еще и великолепная школа для актера. Да и, говоря высоким слогом, любая встреча при разумном к ней подходе может быть определенной школой.

Даже если это встреча с заведомо отрицательным, негативным человеком.

— О вашей работоспособности ходят легенды. Вам знакомо бездействие хотя бы в течение двух-трех дней?

— Когда-то оно было, но теперь у меня может по несколько месяцев не быть выходного дня. Раньше я каждый месяц на два-три дня появлялся в санатории Дома творчества, но теперь это случается все реже. Знакомый психиатр посоветовал мне: «Вам нельзя больше десяти дней сидеть в четырех стенах — на стенку полезете, но десятидневный отдых обязателен. С полным отключением от всего и желательным не один раз в году». Я хотел бы следовать совету, но пока не получается.

— Зато получается, что вы двигаетесь по жизни со все возрастающей скоростью. Как удается сохранять себя и наращивать скорость?

— Черт его знает. Мой организм — это мой инструмент, моя задача — поддерживать его в форме. Для этого есть масса способов, у каждого они свои. Я вернулся с Украины, где был четыре дня и каждый вечер выходил на сцену играть спектакль. Но в Киеве умудрился поиграть в теннис, а в Донецке истязал себя в номере гостиницы эспандерами. Как только появляется два часа свободного времени, бегу искать корт. Хотя если вечером физически тяжелый спектакль, то в этот день серьезных нагрузок себе не даю, только разминаюсь перед выходом на сцену.

Времени ходить в тренажерные залы, к сожалению, нет.

Одна знакомая всерьез уверяла Караченцова, что он явился на Землю для спасения мира. И напрасно размечтал Богом данное послание на суету актерского лицедейства. В любом случае Караченцов — очевидный пришелец, не похожий на рядовых землян. Начиная с «фирменного» хриповатого голоса и даже трудно сказать чем закончивая, ибо ряд несовпадений можно только множить.

Самый мистический его персонаж — граф Николай Петрович Резанов, с которым Караченцов настолько сжился за двадцать лет, что даже имя-отчество совпадают. Сам он мистики в этом не видит и считает себя всего лишь актером. Может быть, и не врет. Хотя так и подмывает перефразировать один из любимых фильмов детства и спросить: «Николай Петрович, а где у вас кнопка?»

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

ЕСТЬ РОЛИ, КОТОРЫЕ МОЖНО ИГРАТЬ БЕСКОНЕЧНО

— Сегодня 15 ноября. Можете вспомнить свой график на ближайшие две недели?

— Я должен завтра озвучивать фильм, в котором только что снялся, у режиссера Муратова. 17-го у меня спектакль «Юнона и Авось». 18-го хочу собрать вечером... Моя мама умерла, но умерла десять лет назад. Я хочу собрать ее подруг, чтобы вместе посидеть и вспомнить. 19-го — снова «Мосфильм» и запись с Ларисой Долиной. 21-го — «Согру», 23-го и 24-го — «Шут Балакирев», 26-го — «Юнона и Авось». Параллельно я должен сняться в телеспектакле, съездить на сольный концерт в Новосибирск и еще две песни записать. Это из того, что я помню.

Я не жалею, потому что 95% артистов мечтают о такой жизни. Когда я начинал, один врач сказал: «Так нельзя работать, вы умрете». Может быть. Не знаю, придумал я это или нет, но если дело прошло хорошо — особенно спектакль, — идет очень мощная компенсация. Получаешь такой заряд энергии, что все внутри дребезжит.

«ЮНОНА...»

— Двадцать лет вы играете Резанова, хотя партнеры по спектаклю уходили, приходили и снова уходили. Менялись ли за это время рисунок роли, ее понимание?

— Меняется жизнь, меняемся мы, и это накладывает отпечаток на роль. Она неисчерпаема, как личность графа Николая Петровича Резанова. Музыка жестко диктует ритм спектакля, здесь невозможны паузы, как в роли чисто драматической. Но у меня не было одинаковых спектаклей, потому что музыка сумасшедшая, да и стихи Андрей Андреевич подарил классные. А масштаб личности, с которой приходится соприкасаться, таков, что у меня до сих пор мурашки по спине бегут, когда я выхожу на сцену. Это можно играть бесконечно.

Когда спектакль появился, он был очень дерзким, начиная с жанра. Рок-опера, да еще в Театре имени Ленинского комсомола — сочетание, вызывающее шок. Плюс сплошные молитвы на протяжении спектакля, и каждое слово моего героя — не самый большой подарок руководством Российской империи: «Мы дети полдорог, нам имя — полдорожье»...

Теперь в любой газете все в сто раз острее, смелее, свободней, наглей, развязней, разнузданней... И на первый план в спектакле вышли вещи, которые вечны. Трагическая любовь и характер первопродолца. Попытка понять, что за сила заставляет человека шагнуть, куда никто не ходил, хотя неизвестно, чем это

кончится? «Он мечтал, закусив удила, / Свесть Америку и Россию. / Авантюра не удалась. / За попытку — спасибо». Благодаря первопродолцам движется все человечество. И это движение заставляет роль бесконечно меняться.

— Могли бы вы представить, как сложится жизнь без «Юноны и Авось»?

— Наша профессия требует везения. И мне очень везло. В книжке Моруа «Три Дюма» написано примерно следующее: возможно, Дюма невероятно повезло, что, когда он закончил свою пьесу, в трактирчике оказался директор театра, который пьесу прочел, и она ему понравилась. Вскоре Дюма проснулся знаменитым. Дальше Моруа пишет: «Ежедневно каждому человеку предлагается минимум десять возможностей изменить свою жизнь, и только один Дюма этим воспользовался».

Не приди Захаров, не было бы такого Ленкома, потому что лидер определяет лицо театра. Это был подарок, и мне повезло. То, что я играл в «Автограде», а потом мне доверили главную роль в «Тиле» — наверное, тоже повезло. На занавесе МХАТ — чайка, а на нашем должен бы быть шутовской колпак Тили — лучший символ направления, которое Марк Анатольевич называет «фантастический реализм».

Тем не менее я мог провалить роль или сыграть так, что режиссер разочаровался бы и никогда в жизни не дал бы роли ни в «Звезде и смерти Хоакина Мурьеты», ни в «Оптимистической трагедии», ни в «Юноне и Авось». Надо подтверждать возложенные на тебя надежды и предоставленные возможности.

— У вас есть роли, сопоставимые с ролью Резанова?

— Мне кажется, «Тиль». Но наступил момент, когда я попросил Захарова снять меня с роли. Причем по-прежнему прыгал козлом, и сил на это хватало. Просто вначале папаша Клаас спрашивал: «Кем будешь, Тиль?» На что Тиль отвечал: «Музыкантом, художником, крестьянином, дворянином, кем угодно, только не монахом». А меня самого так и тянуло вместо этого сказать: «Папаша! Поздно начинать учиться!». Марк Анатольевич долго сопротивлялся, говорил: «Нет-нет, вы будете старым, лысым, седым, с палочкой, и все равно будете играть». Потом ввел-таки другого актера, но спектакль долго не продержался. В театре случился пожар, сгорели все мужские костюмы, и «Тили» тихо сняли.

Сегодня мне безумно интересно играть «Юнону и Авось», но не только ее. Я регулярно выхожу на сцену с Инной Чуриковой, уникаль-

ной актрисой нашего времени, в спектакле «Согру». Всего два человека находятся на сцене три с половиной часа, все должно быть предельно психологически разнообразно — мне безумно интересно там играть. В нашем же театре идет спектакль «Чешское фото», тоже на двух исполнителей, и второй — Александр Калягин. Судьба или Бог подарили работу с таким актером. Мне это тоже интересно, там очень характерная роль. В нынешней премьере «Шут Балакирев» Марк Анатольевич предложил мне роль Александра Даниловича Меншикова... У Светланы Дружининой я играл Петра Первого, и мне это тоже было безумно интересно.

«АВОСЬ...»

— До «Юноны...» вы интересовались современной музыкой?

— Ходил на концерты Градского, «Воскресенья», а рос на песнях Галича и Окуджавы, гитару не выпускал из рук. Меня приглашали недавно на передачу «В нашу гавань заходили корабли», но до передачи так и не доехал, зато улетел с ними на гастроли в Израиль. Эстрадные песни тоже перестал, просто это никогда не было главным делом. Сегодня поеду на студию записываться с Ларисой Долиной. Наверное, надо завести себе директора или агента, который занимался бы музыкальными делами.

Ко мне пришла как-то молоденькая девочка: «У нас молодая фирма, наша крыша «Кинотавр», делаем серию дисков «Актер и Песня», начать хотим с вас». Я ей ворох старых записей и надалвал. Потом подойдет после спектакля человек, просит подписать диск: на «Пушке», говорит, продают. Побежал купить, они уже кончились.

Звоню этой девочке, объясняю, что я — человек прошлого века, можно сказать, пещерный, поэтому слабо разбираюсь в современных товарно-денежных отношениях. Но вообще-то рассчитывал, что обложку дадут завизировать, а то и заплатят, и диски дадут. Она сказала, что это пробный тираж, а напечатать основной — все будет, как положено. С тех пор я ее не видел. Потом подписывал еще какие-то контракты в Ленинграде и Минске. Надо будет прозвониться, узнать.

— Часто видишь следующую картину: идет какой-нибудь концерт, и наши замечательные актеры весело и счастливо улыбаются в компании попсовиков. Не бардов, не рокеров, а поэтов-песенников и тому подобных массовик-затейников. Теперь вот вы собрались с Долиной записываться. Неужели так со вкусом плохот? Она же ахинею полную поет?

— А почему она ее поет? Одна из лучших джазовых певиц страны, но джаз, к великому сожалению, не собирает людей. А мне интересно все, чего я еще не делал, хочется постоянно пробовать что-то новое. Например, недавно степом стал заниматься. Оно мне надо? Теперь уже и в Кремле выступал, зрители ошалели. Время покажет, что из нашего с Ларисой проекта получится. Я уже говорил, что любая встреча — школа, которая добавляет знаний.

Я очень спокойно отношусь к таким вещам, потому что много раз уже вляпывался, многое у меня не получалось, много было брака в работе... Но без этого брака ничего хорошего тоже не получилось бы.

Я заведомо знаю, что у меня могут быть неудачные работы и в основной профессии. И меньше всего ожидаю, что все вокруг будут восторженно хлопать в ладоши.

Беседовал
Анатолий ОБЫДЕНКИН

Фото Пааты АРЧИВАДЗЕ